

Jeřábek, Richard

Преобразования южноморавской деревни : этнографическое исследование деревни Брумовице

In: Jeřábek, Richard. *Proměny jihomoravské vesnice : (národopisné studie z Brumovic)*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1981, pp. 175-182

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121790>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНОМОРАВСКОЙ ДЕРЕВНИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕРЕВНИ БРУМОВИЦЕ

Этническая история XIX в. и первой половины XX в. своему представлению о том, какой „на самом деле“ должна была бы быть деревня, подчиняла ее изучение. Создавалась своеобразная идеальная модель традиционной деревни, складывающаяся главным образом из явлений, принимаемых за автохтонные и — насколько это возможно — за более древние. Тем самым наполнялось содержанием романтическое представление о народе, как носителе „неиспорченной, древней культуры, хранителе тайны национального духа, великом создателе коллективного искусства“. В то время, как романтизм быстро исчезал из сознания современного народа и лишь иногда случайно звучало его отдаленное эхо как предупреждающий сигнал об угрожающей для существования народа или его свободе опасности, этнография упорно отстаивала и защищала укоренившееся отношение к деревне, ее жизни и культуре, как к некоему концентрату этнической специфичности народа. Прежде всего с данной точки зрения осуществлялся выбор населенных пунктов и территорий, ставших предметом этнографического исследования. Деревни и области искались на основании того, насколько они сохранились и сколь древней была в них народная культура. Естественно, что при этом не принимался во внимание тот факт, типичны ли эти особенности для больших этнических формаций, для народа в целом или вообще для государства.

Ошибка этнографии заключается не в том, что она изучала и стремится впредь изучать старую деревню, а в том, что предметом ее исследования была главным образом традиционная деревня и то, как проходились исследования. Ошибка, наложившая печать и на наше поколение, заключалась прежде всего в том, что этническая история часто закрывала глаза на существующее положение в развитии жизни и культуры села, даже в том случае, когда она сама становилась свидетелем того, как невероятно быстро возникает пропасть между идеальным представлением и действительностью, совершенно не желающей подчиняться научным интересам этнографии.

После некоторого колебания — в отдельных случаях непростительно долгого — этнография приступает к исследованию изменений, происходящих в селе, все больше и больше отдаляющих деревенский образ жизни от традиционного, когда деревня добровольно расстается со своим прежним местным или региональным колоритом.

Одной из первостепенных задач теории исследования образа жизни и культуры современной деревни становится ограничение предметов и делимитация сфер изучения отдельных научных областей, приступающих к такому исследованию. Основной проблематикой этнографии при исследовании современной деревни станут, по всей вероятности, те явления и процессы, проходящие в жизни и культуре, в познании и научной оценке которых никакая другая область науки не в состоянии заменить этнографию. Наблюдать за тем, как многочисленные инновации включаются в традиционную структуру, и ответить на вопрос, становятся ли они ее органической частью или же несколько деформируют структуру, а может быть, и совсем разрушают ее — вот круг проблем, которые станут специальной задачей этнографа.

Центр внимания этнографического исследования переносится на объяснение глубоких изменений, происходящих в жизни и культуре крестьян с/х кооперативов или же всех жителей кооперативного села и на причины, приведшие к данным изменениям в жизни и сознании деревенского человека. Особенная задача ложится на плечи этнографии при исследовании коренных преобразований, происходящих в материаль-

ной культуре. Это касается прежде всего культуры оформлять свое жилище, искусства одеваться, организации общественного питания жителей деревни с/х кооператива, при этом не выпускаются из виду изменения, происходящие в образе мышления жителей деревни.

Неудивительно, что мы становимся свидетелями того, как этнография мобилизует свои силы на изучение изменений, происходящих в деревне. Этнография, короче говоря, вновь „открывает“ деревню, но такую, какой она является в действительности, не принимая во внимание „правильное“ ли она производит впечатление, и уж совсем не касаясь вопроса, „хорошо“ ли она выглядит. Такой поворот в этнографии вызывает, естественно, различные трудности теоретического и практического характера. Большие трудности возникают при выборе предмета исследования и рабочего метода. Изучение современной деревни является задачей новой задачей этнографии, решение которой требует и качественно новых методических средств. Этнография во многом должна расстаться с традиционными исследовательскими приемами и с установившимся способом разработки полученных информации. Она должна искать такие подходящие способы, которые на научной основе позволят овладеть новой действительностью и помогут постигнуть процесс преобразований, постоянно происходящих в деревне и в корне раз и навсегда изменяющих ее лицо.

В послевоенный период во многих европейских странах этнография примкнула к области общественных наук и своей направленностью выразила поддержку исторической концепции. Присоединение к историческим наукам и принятие их методологии предоставили этнографии возможность четкой ориентации и полного права включения ее в систему общественных наук. Однако, ближе знакомясь с современной культурой и жизнью деревни, мы обнаруживаем, что отмеченной теоретической платформы и методологических средств этнографии недостаточно.

Первые серьезные попытки комплексного исследования современной деревни показали, как необходимо сотрудничество смежных научных областей. Этнография очутилась на распутье: сохранить верность исторической концепции, которую она в течение нескольких десятилетий укрепляла и защищала от явно устаревшей системы взглядов в сфере биологических наук, или широко открыть двери наплыву методов и приемов тех дисциплин, которые не ставят своей целью выявление исторической закономерности в развитии общества, его культуры и жизни?

Идеальным представляется исследование деревни, проходящее в сотрудничестве всех релевантных научных дисциплин: исторических, искусствоведческих, лингвистических или обществоведческих и т. п. Конечно, такой метод гарантирует широкий охват проблематики сегодняшней деревни, и в нем еще имплицитно не содержится требование интеграции. До сих пор в нашей практике стремления и результаты исследования в рамках смежных дисциплин скорее идут параллельно, нежели перекрещиваются друг с другом.

Раз уж этнографическая наука решила большую часть своих сил посвятить исследованию нетрадиционной действительности, она должна для осуществления этой цели создать и все необходимые условия. Сам по себе факт начала изучения проблематики сегодняшней деревни еще не образует ни теоретической основы, ни методологического и методического аппарата для серьезного научного исследования. Что касается методологической стороны дела, то перед этнографической наукой стоит задача разработать для изучения качественно новой проблематики также и качественно новую систему методов и приемов эксперимента с тем, чтобы и в исследовании и изучении современности у нее развился логический метод, который можно было бы использовать в разных местах и при различных условиях для осуществления возможности сравнивать полученные результаты.

Перед собой мы поставили вопрос, должна ли этнографическая наука отказываться от исторической концепции, которая с точки зрения молодой культуры кажется слишком ограниченной и односторонней. И тут ее стремится заменить прежде всего концепция, ориентирующаяся на социологию, обладающую способностью не только охватить значительную часть преобразований современной деревни, но и имеющую в своем распоряжении такие методические приемы, при помощи которых можно понять и объяснить процессы преобразований и их динамику с позиций общих закономерностей развития общества.

Исследование в области нивелированной культуры предъявляет этнографу и другие требования, кроме исследований в области регионально и социально дифференцированной культуры традиционной деревенской общности. Характер жизни и культуры

сегодняшней деревни требует накопления и обсуждения более многочисленных информации для сравнения. При этом в распоряжение этнографа предоставляется использование общепринятых в социологии методов и приемов, которые с успехом применялись ею уже несколько десятилетий тому назад, в виду имеется главным образом метод опроса. Опытный этнограф знает, как перешигнуть через трудности и недостатки этого метода, кроме того, он способен дополнить его непосредственным наблюдением, устной информацией и т. п. Часто приходится сталкиваться с тем фактом, что этнографическому наблюдению не поддаются те явления, которые можно познать и обсуждать, используя качественный метод, в работе с которым у социологов больше опыта, чем у этнографии. В последнее время на первый план в данной области со всей настоятельностью выступает требование использования современной вычислительной техники.

И даже тогда, когда этнография воспользуется одним из общепринятых в социологии или другой эмпирической науке методом или приемом, ей нет необходимости ограничиваться только ими и под их влиянием исключать исторический аспект предмета своего изучения. В то время, как для социологического подхода к исследуемым общественным формациям характерен главным образом горизонтальный план, этнографическая наука те же самые явления и процессы воспринимает вертикально, в процессе развития, т. е. в основном исторически; она все время будет возвращаться и к первоначальному состоянию объекта изучения и в отношении времени к более отдаленным параллелям, сравнивая с ними настоящую действительность. Это значит, что этнография не должна отказываться от своей цели и метода, при помощи которого осуществляется эта цель, включая и методы исторические. Изучая проблематику социальных процессов, происходящих в колхозной деревне, этнографическая наука скорее всего будет склонна к использованию этно-социологического метода, при исследовании же реалий, она останется верной проверенному уже историко-сравнительному методу. На пути к одной цели — познать закономерности развития кооперативной деревни — оба этих подхода, на первый взгляд кажущиеся противоположными, могут плодотворно дополнять друг друга. В конце концов использование методики других научных дисциплин не лишает этнографию права нетрадиционно и неконвенционально с позиций традиции изучать свою проблематику и не снимает с этнографии ответственности за достигнутые результаты.

Одним из наиболее дающих о себе знать пробелов в изучении кооперативной деревни является отсутствие психологического подхода к проблематике классовых, социальных, профессиональных, семейных и других отношений, к проблематике народной эстетики и других многочисленных факторов жизни и культуры. Психология своим опытом в области исследовательской работы могла бы с успехом помочь при объяснении изменений в отношении к частной и коллективной собственности, к общественному производственному процессу, к религии и церкви, к идеологии и политике государства, в отношении многочисленных других вопросов, в принципе являющихся латентными и требующими для своего решения опытную руку исследователя и гарантию абсолютной корректности. Достоверные данные об этих важных сторонах жизни общества могут принципиально воздействовать на формирование правильного представления о современной деревне.

Понять и объяснить все вышеупомянутые изменения мы не в состоянии без доскопального проникновения в сущность экономического развития деревни, которым они и были вызваны. Переход от преимущественно натурального хозяйства традиционной деревни к денежному, изменения, произошедшие в отношении собственности на землю и на орудия производства, механизация сельского хозяйства, характер крупного сельскохозяйственного производства, переход части сельского населения в сферу промышленности и бытовых услуг — все это первопричины перемен в общественном сознании. Исходя из современного положения вещей, можно уверенно сказать, что, пользуясь только своим рабочим методом, являющимся далеко не самым точным, этнографическая наука не в состоянии объективно судить ни о вышеупомянутых причинах и ни об их последствиях. Областные или местные различия, вытекающие из неравномерного экономического и общественного развития, нельзя будет объяснить только за счет эмпирического этнографического исследования. В эпоху ЭВМ, в эпоху небывалого развития точных наук этнография не сможет довольствоваться лишь одними впечатлениями и приблизительными выводами, сделанными на основе устной информации и личного наблюдения исследователя. Не могут быть максимальными для современной этнографии и волонтаристически подготовленные производствен-

ными и общественными организациями данные для руководящих органов. Поддержку необходимо искать и в серьезной статистике, при условии, что она будет необходима. Вопрос, однако, заключается в том, в какой степени этнографии удастся с пользой для дела включить эти дисциплины в работу.

Цели этнографического исследования в области культуры и жизни современной деревни заставляют нас задуматься над формами, посредством которых полученные данные можно будет предоставить следующему научному обсуждению и оценке и передать затем в пользование общества. Метод региональной или локальной этнографической монографии пока еще не потерял своей самостоятельности и в наше время остается единственной формой научного познания и литературного выражения результатов комплексного этнографического исследования, несмотря на многочисленные препятствия, вызванные им, включая и опасность некоторого застоя и измельчения. Пока же этнографическая монография какой-нибудь интересной области или деревни несомненно могла бы оправдать себя в области разработки явлений традиционной культуры, которые именно при помощи этого метода можно наглядно классифицировать, включать в различные взаимосвязи и взаимоотношения и таким образом сравнивать и объяснять. Неблагоприятным явлением, сопровождающим данный способ обращения с этнографическими фактами, стало то, что некоторые монографии превратились скорее в ответы на многочисленные вопросы, или в лучший случае — в каталоги, состоящие из предложений, абзацев и глав.

Убедившись в том, что этнографическая локальная или же региональная монография не является и не может быть целью научного исследования жизни общества и общественного сознания, мы тем не менее считаем ее единственной возможностью к достижению отдаленной, находящейся в постоянном движении цели — к выявлению закономерности в развитии человеческого общества и культуры. До сих пор не удалось найти подходящий метод, который мог бы помочь проникнуть в суть тотальности человеческой жизни и культуры. Структура этнографической монографии современной деревни, в наших условиях в большинстве случаев кооперативной деревни, пропустит, естественно, все явления, которые перестали быть релевантными с точки зрения интерпретаций радикально изменившегося образа жизни. Развитие дало возможность возникнуть новой действительности. Необходимо, следовательно, искать форму, как эту новую действительность выразить. Установившийся и несколько стереотипный подход к изучению и монографической обработке, с определенным успехом используемый при историческом способе исследования традиционной земледельческой деревни или области, при изучении кооперативной деревни теряет свой смысл.

По собственному опыту мы знаем, что образ традиционной народной культуры, предлагаемый читателю монографией, описывающей какую-нибудь область, является скорее идеальной реконструкцией когда-то существовавшего положения или фрагмента развития, чем верным и научно обоснованным отражением и объяснением действительности, из-за своей сложности ставшей почти неуловимой. Тем самым мы не хотим сказать, что этот метод не имеет права на существование, или должен быть осужден. Для комплексной разработки явлений и процессов, происходящих в традиционной народной культуре, этнической науке действительно не удалось найти более подходящую и приемлемую форму, чем существующая до сих пор региональная и локальная монография. Однако чем большую область она включает, тем схематичнее и упрощеннее создается у нас представление о жизни народа. Кстати, наиболее неестественное представление о действительности возникает при время от времени возникающей попытке народного синтеза, когда неизбежно встречаются явления во временном и территориальном отношении очень отдаленные, что создает нереальное представление о прошлом народа, существующем лишь на бумаге.

Интенсивность, с которой этнографическая наука в последнее время посвящает себя проблематике современной деревни, свидетельствует не о том, что это своеобразная дань моде и дело временное, а о том, что это перспективная и постоянная составная часть исследования. Изучение современной деревни приближает этнографию к вопросам и требованиям жизни, что в свою очередь объясняет рост ее значения для общества, оценить которое сможет только будущее поколение, если этнографии удастся предложить ему богатую и яркую фреску, отражающую жизнь и культуру деревни в период ее знаменательного исторического перерождения.

Кафедра этнографии при Брненском университете рано, даже, может быть, слишком рано приступила к изучению современной деревни, когда в 1953 г., кроме прочего, включила в программу своих исследований и изучение деревни с образцовым

сельскохозяйственным кооперативом. Спустя два десятилетия, просматривая результаты данного мероприятия, мы находим, что в то время мы были не в состоянии постичь зарождающиеся черты сложного процесса, который далеко не безболезненно проходил в период коллективизации деревни. Тогда более подробно мы задерживали свое внимание не на процессе, а на том состоянии, которое стало результатом предшествующего развития, при котором и произошёл решающий перелом. Неудача данного мероприятия надолго вселила чувство недоверия к возможности постичь изменения в народной культуре и образе жизни в настоящее время за счет этнографических методов и вызвала сомнение относительно того, включать ли вообще данную проблематику в сферу этнографии. В течение нескольких лет вопрос изучения современной деревни не находил своего места в научно-исследовательских программах кафедры. Разговоры о целях и значении изучения проходили на уровне учебных планов отделений этнографии и фольклористики.

Только в 1969 г. в Южноморавской области началось исследование кооперативной деревни. Объектом исследования далеко не случайно была выбрана д. Брумовице, расположенная в 40 км. от Брно в юго-восточном направлении. Данный выбор был сделан прежде всего потому, что многочисленные этнографические наблюдения этой деревни были собраны и опубликованы почти сто лет тому назад писателем Яном Гербеном. Кроме того, недалеко от Брумовиц в д. Кобылы к услугам исследователей были собраны исключительно интересные данные национальных традиций начала нашего века, собранные Августой Шебестовой. Главным же образом эта деревня была выбрана потому, что нужно было такое поселение, которое бы как-то особенно не выделялось из южноморавских земледельческих и винодельных населенных пунктов, поселение, представляющее собой в высшей степени тип. Кроме того, это была такая деревня, число жителей в которой оптимально должно было отвечать цели кафедры этнографии Брненского университета использовать качественный метод при исследовании некоторых явлений. Нельзя поэтому было выбрать деревню с меньшим числом жителей, т. к. недостаточно бы была представлена исследуемая модель. Деревня с большим количеством жителей была бы атипической, т. к. ее трудно было бы изучать. И исследования в деревне Брумовице с более чем 350 домами и 1200 жителями были далеко не лёгким делом.

В первой, довольно длинной фазе исследования, были собраны основные данные о жителях сегодняшней деревни Брумовице: об их семейных отношениях, о социальной структуре населения, о работе мужчин и женщин в деревне и вне ее и т. д. Кроме того, в анкету вошли и данные о лучших информаторах, сказителях и певцах, людях, имеющих предметы этнографического характера, о изготовителях орудий труда, домашней утвари, изделий домашнего производства для продажи и т. д. В исследовании принимало участие более сорока студентов, которым во время кратковременных экспедиций удалось зафиксировать многочисленные данные ориентировочного значения. Главная часть исследования представлена самостоятельной работой авторов отдельных частей монографии. Материал последней четверти прошлого века дает возможность сравнить сегодняшнюю ситуацию с состоянием 100 лет тому назад; таким образом лучше проявляются характерные черты сегодняшней деревни, хотя уже и без имущественных и социальных противоречий, но далеко еще не без старых конфликтных отношений, вытекающих из традиционного соперничества семей, различного вероисповедания, политического мировоззрения и т. п. Именно этих вопросов, получение ответов на которые имеет основное значение для познания современной деревни, необходимо было избегать, во-первых, потому, что они в высшей степени были тогда щекотливы, а, во-вторых, потому, что студенты этнографии в подавляющем большинстве были неопытны в этих вопросах и именно тогда получали первое свое боевое крещение, из которого выходили далеко не со щитом. В то время было осуществлено исследование выбранных областей народной культуры, считавшихся легкими.

Данная работа, следовательно, не имеет характер комплексной монографии, но дает возможность как можно объективнее взглянуть на некоторые стороны культуры и жизни современной деревни. Ее концепция базируется на стремлении авторов не преукрашивать и не приглаживать действительность, а подать ее в таком виде, в каком она представлялась им во время исследования.

Исследованию и обсуждению его результатов было посвящено много времени и энергии. До 1975 г. было проведено несколько частичных исследований при помощи вопросников. В последней фазе в 1977 г. были проведены дополнительные и контроль-

ные экспедиции, в которых при помощи своих и чужих студентов проверялись и комплектовались данные анкет, осуществлялись полустандартизованные разговоры с выбранными информаторами, составлялись литературные портреты творчески деятельных жителей деревни, проводились магнитофонные записи устного народного творчества и песенного репертуара. Кроме этого, на основе обработанных вопросников были выделены объекты для фотографической документации, часть которой является приложением предлагаемой работы. Разработкой выбранных тем занимались научные работники отделений фольклористики и этнографии кафедр истории и этнографии Центральной, Южновосточной и Восточной Европы философского факультета Университета им. Я. Е. Пуркине г. Брно (проф. д-р Рихард Ержабек, кандидат наук, доц. д-р Вацлав Фролец, кандидат наук, доц. д-р Душан Голы, кандидат наук) и внештатные сотрудники (д-р Алена Ержабкова, дипломированный историк, Ян Крист, д-р Ярмила Лидмилова, доц. д-р Олдржих Сировакта, кандидат наук и д-р Марта Шрамкова).

После предисловия, касающегося проблематики этнографического изучения современной деревни, следуют историко-этнографический и социолого-демографический анализы социальной структуры жителей д. Брумовице периода со второй половины XIX в. до настоящего времени и данные о развитии жизненного уровня. Этнографической и фольклористической проблематике посвящены очерки об изменениях в области культуры быта и одежды, в эстетическом вкусе и творческой деятельности, устном и песенном творчестве.

Изменения в области архитектуры деревни вызвали и закономерное исчезновение внешних традиционных признаков жилья народа. Перед этнографическим изучением современных форм строительства и оформления жилья стоит задача выяснения в данной связи предмета изучения и нахождения соответствующего методологического исходного пункта. Как показывают исследования, в данном случае наблюдения пойдут не в области технических проблем деревенских построек, как это было в прошлом, а прежде всего в области общественных и культурных процессов, связанных с жильём. Деревня Брумовице имеет характерные черты поселения придорожного типа. Традиционным строительным материалом была глина, с конца XIX в. в строительстве стали применять необожженный и обожженный кирпич. В этот период исчезают и традиционное соломенное кровельное покрытие, на смену которому приходит черепица. Развитие в строительстве после двух мировых войн проявилось прежде всего в архитектуре и художественном оформлении деревенских построек. Новый стиль в строительстве повлек за собой и некоторую униформность, новые планы домов постепенно исключают из ядра деревенского проекта винные погребки, сараи и другие хозяйственные объекты традиционного крестьянского двора. В послевоенный период социальное расслоение не проявилось как-то особенно ярко в количестве помещений, которые были представлены к услугам отдельных семей. В достаточно больших размерах комнат и в стремлении согласовать пространство дома с потребностями семьи мы наблюдаем не только одно из ярких проявлений роста уровня жизни населения деревни, но и разрыв связей той традиционной стороны деревенской жизни, которая часто заставляла жить вместе многочленные семьи в традиционно распланированном деревенском доме. Несмотря на проникновение в деревню городского образца, современный быт деревни все-таки сохраняет некоторые свои особенности, в которых далеко не последнее место занимают элементы традиции.

Изучение народного платья в д. Брумовице имело своей целью исследовать развитие традиционного национального костюма в XX в., его современное использование и состояние культуры одевания в настоящее время. Национальный костюм постепенно терял свое значение: мужчины перестали его носить вообще, замужние женщины стали носить исключительно новые типы костюмов, которые шились из различных купленных материалов. В последней фазе развития национального костюма решающую роль сыграли социально-экономические факторы: включение деревенского населения в новые производственные отношения в другой, нежели земледельческой сфере; более тесный контакт с городом, недостаток необходимых традиционных материалов, наплыв материалов из текстильных фабрик и товаров швейной промышленности. Традиционный национальный костюм сохранился до наших дней в двух видах. Во-первых, это будничное платье некоторых пожилых женщин, на котором исчезают типичные региональные черты, т. к. по своей основной концепции оно становится униформой большей части Южной Моравии. Во-вторых, это выходной, праздничный костюм. Его надевают главным образом молодые люди в честь праздничных событий, например, по случаю религиозного праздника „годы“. Это частично старые костюмы,

полученные в наследство, а частично — новые костюмы, которые в наше время имеют прежде всего репрезентативно-эстетическую функцию. Это проявляется в подчеркнутом украшении и использовании дорогих и сложных тканей. Эти костюмы должны быть доказательством высокого уровня жизни в деревне и ее богатых культурных традиций. Подавляющее большинство деревенского населения в наше время носит штатскую одежду. Для одежды деревенского жителя нашего времени типично то, что в ней не проявляются различия в социальном положении. Между манерой одеваться в городе и в деревне наблюдается лишь незначительная разница. Новым в деревенском образе мышления необходимо считать и положительное отношение к пользованию косметикой, хотя и распространяется это явление пока что только на молодых женщин.

Что касается художественного творчества жителей д. Брумовице, то оно не было особенно развито и в прошлом, о чем свидетельствуют дошедшие до нас источники, в том числе и литературные. От не очень широко представленного рукодельного производства в прошлом до наших дней дошло искусство вышивки. Искусство раскрашивания пасхальных яиц превратилось в безвкусицу, а остальные проявления традиционного народного искусства окончательно исчезли.

Исследователи сосредоточили свое внимание прежде всего на вопросе формирования художественного вкуса и на современном художественном творчестве. Кроме того, исследовалось отношение жителей деревни к профессиональному искусству, особенно в связи с созданием окружающей среды. В то время, как внехудожественная эстетика влияет главным образом на внешний вид коммунальной среды, современный художественный вкус, или безвкусица, находит свое место в домах, главным образом на постоянных местах эстетической преференции. В том, как выглядит каждый дом внутри, принимают участие различные предметы эстетического характера. Это и декоративная посуда, частично местного производства, миниатюры, сувениры и предметы с религиозной тематикой, рукодельные предметы домашнего производства. В домах старшего поколения можно найти картины с религиозной тематикой, в домах молодого поколения — картины со светской тематикой, главным образом написанные маслом художником-любителем из соседней деревни. Знания в области чешского национального искусства и мирового искусства плачевны и у представителей молодого поколения, которое только-только закончило школу. Отношение к нефигуративному искусству преимущественно недружелюбное и отрицательное.

Искусством считаются прежде всего произведения собственного художественного творчества. Это местный рисунок на предметах из керамики, стекла и искусственных материалов, предметы, изготовленные из фанеры, модели различных построек и средств транспорта, предметы, изготовленные по журнальным статьям, различные решетки, фонари из металла и т. д.

Все это свидетельствует о том, что в деревне уже нет региональной творческой традиции, и о том, что деревня принимает тривиальное творчество и городскую массовую безвкусицу. Современный вкус деревни, стремящейся достичь уровня городского вкуса, в основном представляет собой мещанский вкус и подтверждает предположение об отсталости общественного сознания от общественного бытия.

Данные об устном народном творчестве в д. Брумовице и записи фольклорной прозы, сделанные прямо в деревне или в близлежащих местах, сохранились со второй половины XIX в. до наших дней. Это дает возможность очень подробно проследить развитие и изменения, прошедшие в местной устной традиции в течение минувших ста лет. Место и роль устного народного творчества в культурной и общественной жизни деревни постепенно теряли свое значение, но до сегодняшних дней сохранилась традиция сказителей. Из фольклорной прозы почти исчезли или заняли последнее место главным образом сказки, легенды и поверья, в то время, как местные и исторические рассказы, хотя и в ограниченной мере, но все-таки сохранили свою жизненную силу и остаются в сознании молодого поколения. Постепенно центром живого повествования становятся актуальные новости и воспоминания, смешные истории и анекдоты. Эти жанры используются чаще всего и все время обогащаются новым материалом, мотивами и чертами. Рассказ стал живой составной частью и необходимостью жителей деревни. Эта функция осталась за ним главным образом потому, что он был памятью местного образа жизни настоящей и прошлой (рассказы, воспоминания, пересказываемые поверья), потому что он был своеобразным информационным агентством местной жизни (житейские рассказы), просто шуткой (смешные рассказы, анекдоты, воспоминания) и явлением, интегрирующим жизнь и позицию мест-

ных жителей. В разных поколениях еще и до сих пор появляются просто хорошие или замечательные рассказчики, которые сохраняют и продолжают традиции и обогащают новый фонд устного творчества.

Главный этап исследования песенного творчества в деревне прошел весной 1976 г. после подготовительной работы. Было записано 268 песен 36 певцов, затем были получены 3 песенника и другие материалы, зафиксировавшие песенные тексты. Собранный материал представляет собой более чем 650 записей песенного исполнения. В результате можно сказать, что песенное творчество исследуемой деревни находится на высоком уровне. У представителей старшего поколения певцов, родившихся до 1905 г., женщины помнят намного больше традиционных песен, чем мужчины, имевшие больше возможности „повидать свет“. В репертуаре женщин, однако, встречается и много песен искусственных, связанных с общеизвестными песенниками, в то время как у мужчин больше проявляется склонность к песням с военной тематикой, маршевого характера и вальсов. У представителей певцов, родившихся в 1906—1920 гг., у мужчин не было отмечено существенных различий с предшественниками. Некоторые женщины склонны к традиционному репертуару, а другие его уже не принимают. Среди них нашлись и две сочинительницы песен. На репертуаре представителей песенного творчества, родившихся в 1921—1932 гг., проявилось и влияние школы. Кроме того, в их репертуар включались и новые песни, исполняющиеся в соседней области, называемой „Подлужи“. К этим песням в большей степени тяготеют представители молодого поколения, родившиеся после 1923 г. Несмотря на то, что в репертуаре отдельных поколений можно наблюдать очень различные песенные слои, основным остается то, что между песнями надрегионального характера и домашним репертуаром сохраняется тесная связь и до настоящего времени.

Изучение выбранных этнографических явлений в д. Брумовице базируется на количественных аспектах, поэтому в большинстве случаев утверждения исследователей можно было подкрепить конкретными цифровыми данными, правильность которых проверялась полустандартизированными разговорами с жителями деревни. В данном масштабе чешская этнографическая наука использовала данные методические приемы впервые, поэтому окончательную работу можно считать своеобразным пробным камнем. В этом заключается ее новшество и вклад в этнографию, но за этим одновременно скрываются трудности и ошибки отмеченных методов. Полностью сознавая это, предлагаем данную работу для обсуждения как самых строгих критиков — профессиональным этнографам, так и самим жителям деревни Брумовице.